

Д. Г. Левицкий. Портрет Екатерины Второй

225 ЛЕТ
ЦЕНТРАЛЬНОМУ
ДУХОВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ
МУСУЛЬМАН РОССИИ
Исторические очерки

Уфа
2013

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ: ПЕРЕКРЕСТОК ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Ранние контакты населения территории современной России с миром ислама восходят к VII–IX вв. С одной стороны, это были завоевательные походы халифатских войск. Во время продвижения арабских завоевателей на север в пограничном с Хазарским каганатом древнем Дербенте появились воины халифата, которые называли Дербентскую крепость «Баб аль-Абваб». В VIII в. здесь селились преимущественно арабы. «Дербент-наме» свидетельствует об ожесточенном сопротивлении местного населения арабам. При Аббасидах сюда переселили несколько тысяч семей арабов-мусульман, направляли солдат для борьбы с неверными, обитавшими севернее Баб ал-Абваб. Во время правления аббасидского халифа ал-Мансура (754–775), как сообщает арабский историк Йа'куби, по тюрьмам халифата было собрано 7 тыс. пленных для строительства укреплений вокруг Дербента. В этих укреплениях были поселены воины, получившие земельные наделы за свою службу. С 869 г. Дербентская крепость стала резиденцией арабской династии Хашимидов, продолжившей завоевание северокавказских территорий.

Иной характер проникновения ислама отмечен в Поволжье и Приуралье. Здесь получили распространение торгово-экономические связи с миром ислама, основанные на взаимообмене. Центром обмена и распространения товаров были города Центральной Азии, в том числе «Хорезм – речной оазис в низовьях Амудары, имевший торговые связи с таким же оазисом в низовьях Волги и с таежным поясом Евразии». Отсюда шли торговые пути на север, в Приуралье. Наиболее ранние свидетельства о связях Приуралья с миром ислама относятся к VIII–IX вв., это материалы археологических раскопок захоронения у д. Юмагузино (Ишимбайский район) и Левашовского кургана (д. Левашово принадлежала прежде отставному капитану Левашову, который еще в конце XIX в. заинтересовался древними курганами и пытался организовать любительские археологические раскопки). Среди находок было три

серебряных диргема и золотой динар времен Омейядского и Аббасидского халифатов. Самые ранние монеты датируются 706 г. (золотой динар) и 712 г. (один из серебряных диргемов), отчеканены они при омейядском правителе Валиде I (86–96 г. хиджры). Кроме халифатских монет, в женском погребении были найдены украшения – бусины, браслеты, 5 колец, 2 серебряных наглазника, а упомянутые диргемы лежали в области грудной клетки. В парном погребении был также найден динар, отчеканенный в Мавераннахре около 279 г. хиджры (892 г.) правителем аль-Махди Мухаммедом аль-Хасаном (динар и остальные монеты в настоящее время хранятся в Национальном музее Республики Башкортостан). В женском захоронении в Юмагузино среди монет на головном уборе также была обнаружена серебряная монета (диргем), датируемая 112 г. хиджры (730 г.), на одной стороне которой написано: «Хан Кибитий 112 год», а на другой: «Един Бог...». Считать эти погребения раннемусульманскими позволяет не столько наличие в них арабских монет (ислам как раз запрещает захоронение вещей вместе с умершими), сколько трупоположение – на спине, руки вытянуты вдоль тела, головой на запад. Монеты эпохи халифата и сами захоронения свидетельствуют о ранних контактах территории Урало-Поволжья с мусульманским миром и распространении здесь отрывочных сведений об исламе.

Более подробные сведения о проникновении в Урало-Поволжье ислама как религиозной системы стали известны из знаменитой «Мешхедской рукописи» арабского путешественника Ибн Фадлана, который был в составе посольства багдадского халифа, прибывшего в 922 г. в столицу Булгарского ханства. Заслуга открытия этого уникального исторического источника принадлежит востоковеду Ахмед-Заки Валиди Тогану. Он же сделал рукопись достоянием науки, впервые ввел документ в научный оборот и тем самым предоставил поколениям историков, этнографов, археологов огромные исследовательские возможности. К числу важнейших исторических фактов, полученных в результате открытия Ахмед-Заки Валиди Тогана, следует отнести точные и достоверные сведения о принятии ислама Волжской Булгарией.

Фрагменты рукописи Ибн Фадлана дошли в «Географическом словаре» арабского энциклопедиста XIII в. Йакута ар-Руми и впервые были опубликованы в 1823 г. российским академиком Френом (на немецком языке). Известие о том, что где-то, возможно, существует полный текст рукописи, будоражило умы отечественных и зарубежных востоковедов. В феврале 1923 г. А.-З. В. Тоган, покинув Восточный Туркестан, выехал в Иран. В марте 1923 г. он прибыл в Мешхед, где, несмотря на сложность своего положения, вел

поиски исторических документов по истории тюрков. Здесь, в Мешхеде, в библиотеке при гробнице имама Али ибн-Риза, ему удалось обнаружить единственный известный список «Рисале». Рукопись XIII в. наряду с другими произведениями содержит текст «Записки» Ибн Фадлана.

Находясь в эмиграции, А.-З. В. Тоган не смог сразу опубликовать рукопись. По итогам его открытия в «Известиях Российской Академии наук» в 1924 г. была опубликована статья. В 1937 г. фотокопия документа была передана правительством Ирана в дар Академии наук СССР. На ее основе А. П. Ковалевский опубликовал в 1939 г. перевод памятника. В том же году в Лейпциге вышел немецкий перевод А.-З. В. Тогана. Второе, переработанное издание перевода А. П. Ковалевского вышло в 1956 г.

Рукопись сообщает, что в 921 г. в Багдад прибыло посольство из Волжской Булгарии. Правитель булгар Алмуш стремился освободиться из-под власти Хазарского каганата и с этой целью просил халифа прислать мусульманских наставников и строителей мечети, а также соорудить военную крепость. Ответное арабское посольство, возглавляемое Сусаном ар-Раси, вышло из Багдада 21 июня 921 г. (11 Сафара 309 г. хиджры). 12 мая 922 г. (12 Мухаррама

Булгар. Черная палата

310 г.) в столицу Булгарского ханства прибыло посольство аббасидского халифа ал-Муктадира, в составе которого в качестве секретаря посольства и находился Ибн Фадлан, оставивший записки о путешествии — «Это — книга Ахмада Ибн-Фадлана Ибн-Аль-Аббаса Ибн-Рашида Ибн-Хаммада, подданного Мухаммада Ибн-Сулаймана, посла Аль-Муктадира к царю славян». Дальнейший текст позволяет установить точную дату признания ислама государственной религией Волжской Булгарии — 16 мая (четверг) 922 г., когда состоялось оглашение письма халифа.

Постепенно духовное пространство внутренней России — Волго-Уральского региона — начинает заполняться исламом. Урал — один из самых сложных, мозаичных в этноконфессиональном отношении регионов многонациональной России, он представляет собой северную периферию контактной зоны Евразии. Этнографы отмечают неоднородность и неравномерное распределение этнического состава населения южноуральского края, обусловленные тем, что примыкающие к южным отрогам Уральских гор степи с древнейших времен служили своего рода трансцивилизационным коридором. По нему осуществлялось «великое переселение народов», шли бесконечные миграционные процессы, осуществлялись контакты. Все это обусловило не только тесное сосуществование культур, но и особенности развития этнокультурных традиций народов региона, в том числе — религиозных.

Основную роль в ранней исламизации волжских булгар, уральских башкирских племен сыграли миссионерство и торгово-экономические связи с миром ислама, в первую очередь с Ираном и государствами Средней Азии. Значительную роль среднеазиатского вектора распространения ислама в Волжско-Камской Булгарии отмечает большинство исследователей. Торговые пути из Дербента и Хорезма уже в IX в. привели сюда мусульманских купцов и ремесленников. Из Хорезма к булгарам проник суннизм ханафитского мазхаба. Считается, что первым ислам принял отец царя Алмуша Шилки, получивший мусульманское имя Абдаллах. Ибн Фадлан застал самого Алмуша и его домочадцев мусульманами: «Мы видели у них домочадцев в количестве пяти тысяч душ мужчин и женщин, уже принявших ислам... Для них построили мечеть из дерева, в которой они молятся». Обращение булгарских племен в ислам привело к образованию самого северного в средневековом мире очага исламской цивилизации, который вместе с тем был и очагом тюрко-мусульманской культуры. С Булгарией в своих преданиях связывают башкиры принятие ими ислама. В распространенном среди башкир предании об излечении дочери одного из башкирских ханов говорится: «Когда булгары приняли ислам, тех табибов [по ле-

Мавзолей Тура-хана

Другой памятник мусульманской культуры XIV–XV вв. — кэшэнэ Тамерлана, находящееся на берегу оз. Кэшэнэ (Челябинская обл.).

В Чишминском районе сохранилось кэшэнэ Тура-хана. Турахан, по преданиям, потомок Чингиз-хана, кочевал в районе Тобольска в XIV в., затем, из-за распри с родственниками, откочевал с 8 000 кибиток в пределы башкирских земель на р. Слак (территория башкирского племени Мин). Здесь же сохранились развалины его резиденции. Внутри самого кэшэнэ находятся несколько мусульманских захоронений XIV–XV вв. Кэшэнэ и остатки дворца представляют собой единый культово-административный комплекс башкирских ханов. К числу мусульманских захоронений местной знати XIV–XV вв. относится также комплекс Кызыл Мечеть, расположенное в Оренбургской обл., — три кэшэнэ, выполненные из красного обожженного кирпича, в которых имеется несколько погребений, одно из них — в кирпичном склепе.

Накануне и в эпоху Великих географических открытий под влиянием ислама на Востоке формируются и укрепляются централизованные в политическом и разнородные в этноконфессиональном отношении империи, такие как Османская, Великих Моголов, расширявшие путем завоеваний границы исламской цивилизации. Разрастается и Московия. Борьба царя Ивана IV с казанскими ханами, захват русскими войсками территории Казанского и Астраханского ханств, добровольное вхождение башкирских племен в состав Руси, дальнейшее расширение ее границ в восточном направлении, завоевания в Сибири — все это положило начало становлению России как поликонфессионального государства. Православные, мусульмане, а также многочисленные языческие племена оказались в составе одного государственного образования. Если в период до XVI в. граница между христианской Европой и исламским миром проходила в Средиземноморье, то теперь появились новые цивилизационные фронтиры, в том числе Россия, ее Волго-Уральский регион.

МУСУЛЬМАНЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНТЕКСТЕ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Исламский фактор был и остается одним из важнейших в развитии России. Расширение границ Московского государства в XVI—XVII вв. осуществлялось за счет территорий, заселенных тюркскими и финно-угорскими племенами. Осколки Золотой Орды — Астраханское и Казанское ханства — были завоеваны, башкирские племена Приуралья добровольно приняли подданство «белого царя», Сибирь также была покорена. В XVIII в. Россия уже являлась многонациональной империей, народы которой — русские, татары, башкиры, калмыки, тувинцы — принадлежали к разным религиям — православию, исламу, буддизму. Этот век в России отмечен войнами с Османской империей за Северное Причерноморье и расширением границ на юге и востоке. Вместе с тем в самой России в бунтующем состоянии находятся целые регионы — Поволжье, Урал, Северный Кавказ, значительная часть населения которых исповедует ислам. Для российских мусульман, как и для мусульман всего мира, Турция была преемницей халифата, а султаны из рода Османов — халифами. Борьба с Османской империей делала Россию уязвимой со стороны достаточно крупного мусульманского социума внутри страны. Воюя с Турцией, Россия была вынуждена значительные военные ресурсы направлять на подавление народных

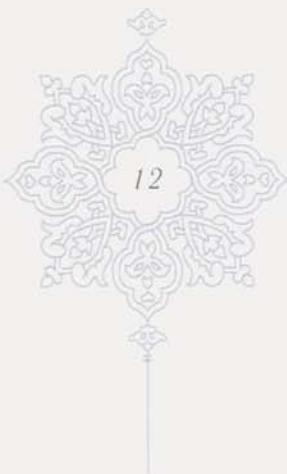

восстаний, в которых лидерами зачастую выступали представители мусульманского духовенства (самые известные из них на Урале – Кильмяк Нурушев, Батырша Алиев, на Северном Кавказе – шейх Мансур, которого почитают как первого имама Кавказа).

Особенно мощными были башкирские восстания конца XVII и первой половины XVIII в. В ходе их подавления власти принимали различные меры, ущемляющие вотчинные права башкир, стремясь к ослаблению влияния мулл, возглавивших башкирские восстания. Было предписано «без указов мечетей и школ вновь не строить», а Сенатский указ от 9 ноября 1742 г. приказывал сломать все новые мечети. За короткое время было уничтожено 418 из 536 мечетей.

В этот же период последовали один за другим указы, которые отразили процесс постепенной замены политики насильственной христианизации татар политикой стимулирования перехода татар и башкир из мусульманской в христианскую веру подарками и деньгами, угрозами в адрес отказавшихся креститься: «О разных монарших милостях романовским мурзам и татарам за принятие христианской веры» (21 мая 1680 г.), «Об отписке у мурз и татар поместий и вотчин и о выгодах какие принявшим христианскую веру представляются» (16 мая 1681 г.), «О помещиках магометанской веры, у коих крепостные православные содержатся» (3 февраля 1713 г.), «Об оставлении за крестившимися иноверцами их поместий и вотчин» (12 июля 1715 г.) и др. А те татары, которые «пристали к башкирскому бунту», были закрепощены согласно указу «О казанских татарах, приставших к башкирскому бунту» от 2 декабря 1721 г.

К середине XVIII в. в среде мусульманского духовенства явно обозначилось стремление урегулировать и законодательно оформить отношения между властью и мусульманами. Выразителем этих настроений на Урале стал мулла Батырша Алиев – идеиный вдохновитель и один из руководителей башкирского восстания 1755 г. Он подготовил свое обращение («Воззвание») к народам Южного Урала, в котором выдвигал идею вооруженной борьбы за создание самостоятельного мусульманского государства. После поражения восстания 1755 г. мулла Алиев склоняется к идее договоренности с царским правительством по вопросам административно-политического управления мусульманскими народами России. В письме к императрице Елизавете он предлагает создать специальный орган, который бы держал императрицу в курсе дел о положении и нуждах мусульман (мысль о «неведении» властей красной нитью проходит через все сочинение муллы, проникнутое верой в доброго правителя). Управляемые народы, согласно Алиеву, должны получить узаконенное право общенародных собраний, на которых должны решаться важнейшие вопросы взаимоотношений мусульман

и правительства. Легализация традиционных органов самоуправления народов должна обеспечить мир и покой в крае, чего нельзя ожидать в противном случае. Он предупреждает: «Государство, играющее со своими подданными и творящее злодеяния своим подчиненным, не дойдет до добра».

Становилось очевидным, что от того, насколько лояльна политика в отношении ислама и мусульманского населения, зависит успех в привлечении к России соседних народов, расширения границ России за р. Урал и на Северном Кавказе.

По Кучук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г., подписенному по окончании Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., Россия существенно укрепила свои позиции на Северном Кавказе. Крепость Азов с прилегавшими землями объявились вечными владениями России. Сразу же, в 1775 г., была организована Азовская губерния, которая предполагала цепью казачьих поселений соединить Моздок и юго-восточный Кавказ с восточным побережьем Черного моря. Включение Северного Кавказа в политico-административное пространство империи и, как следствие, организация российской государственно-правовой системы ставило горские народы перед необходимостью радикального преобразования традиционного образа жизни. Использование военно-бюрократических методов в процессе укрепления российских политico-административных позиций на Северном Кавказе становилось фактором, обусловившим конфликтное восприятие как самой российской власти, так и ее институтов, внедрившихся в горскую среду и «вольную» казацкую общину. Продвижение Русской армии на Северном Кавказе вызвало волну сопротивления, в 1785 г. только что образованная Кавказская губерния была охвачена восстанием горцев под предводительством имама шейха Мансура (Ушурмы). Движение Мансура, распространившись среди адыгов и дагестанцев, быстро охватило весь Северный Кавказ, его отряды совершили ряд наступательных действий против российских укреплений и станиц Кавказской линии. Гарнизоны, занимавшие укрепления от Моздока до Владикавказа, не были в состоянии предохранить дорогу в Грузию от нападений со стороны чеченцев. Во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. турки всячески оказывали помощь отрядам Мансура. Борьба с движением Мансура потребовала от России больших усилий и стоила ей многих жертв.

Размах народных движений, особенно пугачевского восстания, был настолько велик, что даже при условии их жестокого и безусловного подавления власти не могли по-прежнему оставаться глухими к голосу инородцев и игнорировать мусульманское население как особенность внутреннего развития России.

Расширение российских границ, включение в состав государства народов, исповедующих ислам, мощные восстания народов Поволжья и Урала и задача пресечения внешнеполитической ориентации российских мусульман (поволжских татар, горцев Северного Кавказа) на Турцию, войны с Турцией и Ираном — все вместе взятое настойчиво требовало пересмотра государственной политики в отношении ислама, выработки качественно новых государственно-исламских отношений, перехода к политике интегрирования мусульман в российское государство.

НА ПУТИ К ВЕРОТЕРПИМОСТИ

В 1773 г. был принят закон о терпимости вероисповеданий, гласивший: «...Как Всеышний на земле терпит все веры, языки и исповедания, так и ее Величество... поступать изволит, желая только, чтоб между поданными ея Величества всегда любовь и согласие царствовало». А после подавления крестьянской войны под предводительством Пугачева, в которой приняли участие народы Урала и Поволжья, были изданы указы, предписывающие местной администрации сочетать интересы государства с веротерпимостью. Учитывая, что мечети Троицкой и Оренбургской крепостей могут стать центром притяжения кочующих поблизости к русским границам казахских племен, власти распорядились благоустроить их, обнести каменными оградами, устроить при мечетях школы, завести караван-сарай: «...построенные для подданных наших магометанского закона мечети в крепости Троицкой и в Оренбурге открыты; не сомневаемся, что таковое сооружение mest для публичной молитвы привлечет и прочих в близости кочующих или обитающих к границам нашим, сие же может послужить со временем способом к воздержанию их от своевольствия лучше всяких строгих мер. Вследствие сего необходимо, во-первых, при помянутых мечетях построить татарские школы и тут же завести караван-сарай для выгоды торгующих магометан; во-вторых, мечети обнести каменным забором, осведомляя от татар как то пристойнее по их обычаям» (из Указа оренбургскому губернатору О. А. Игельстрому «О построении школ и о заведении караван-сарайев при мечетях татарских» от 4 сентября 1785 г.). Это положение распространялось на остальные мечети края.

Наконец, по именному указу Екатерины II от 22 сентября 1788 г. в Уфе было учреждено Духовное магометанского закона собрание.

Указ Екатерины II

В тот же день именным указом были определены полномочия и статус муфтия.

4 декабря 1789 г. императрице было представлено «Положение о Духовном магометанском собрании, составленное Симбирским и Уфимским наместником О. А. Игельстромом», в котором определялось подведомственное Оренбургскому духовному собранию отношение «всех духовных магометанского закона чинов, пребывающих в разных губерниях».

5 декабря от О. А. Игельстрома поступили «Правила для наблюдения и исполнения Духовному магометанского закона собранию в губернском городе Уфе, по Высочайшему е. и. в. соизволению учрежденному». Согласно этому документу, Духовное собрание находилось под ведомством и контролем Уфимского наместнического правления.

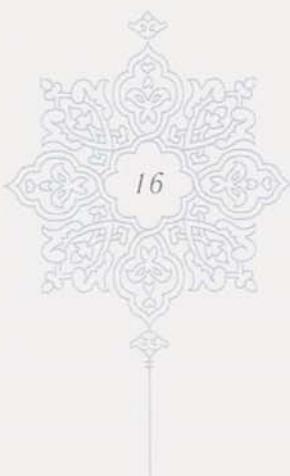
УКАЗ
ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ДОЛЖНОСТИ УФИМСКОГО МУФТИЯ
И МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВНОГО СОБРАНИЯ
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ БАРОНУ ИГЕЛЬСТРОМУ

22 сентября 1788 г.

Приняв за благо представление ваше, чтоб муллы и прочие духовные чины магометанского закона между народами оный в империи нашей исповедующими, определялись не иначе, как по учинении им надлежащего испытания и с утверждения наместнического правления, повелеваем вам произвестъ сие в действие, и вследствие того учредить в Уфе духовное собрание магометанского закона, которое, имея в ведомстве своем всех духовных чинов того закона, в разных губерниях пребывающих, исключая Таврической области, где особое есть духовное управление, в случае надобности определять их куда-либо вновь, сии люди были испытываемы и не иначе определяемы, как когда признаны будут достойными; со стороны же наших генералов-губернаторов, правящихъ ту должность, в отсутствии же их губернаторов, наблюдать, дабы к исправлению духовныхъ должностей магометанского закона употребляемы были люди, в верности надежные и доброго поведения. В духовномъ собрании помянутом председательствовать первому ахуну Мухамет Джан Гусейну, коего мы всемилостивейше жалуемъ муфтиемъ с произвождением ему жалованья по 1 500 р. на год, с нимъ заседать 2 или 3 муллам изъ казанскихъ татар, въ верности къ намъ и въ добропорядочномъ поведении ихъ испытаннымъ, съ жалованьемъ по 120 р. на год; о чёмъ предоставляемъ вамъ снести съ генералами-губернаторами и правящими ихъ должность техъ губерний, въ коихъ народы магометанской веры обитаютъ.

Указ 17 августа 1792 г. распространилъ на духовныхъ служителей, заседающихъ въ Духовномъ собрании, нормы «Учреждения объ управлении губерниями» 1775 г., и приравнялъ ихъ къ членамъ «среднихъ судебныхъ местъ». Этотъ же документъ предусматривалъ ротацию членовъ Духовного собрания каждые три года, новые муллы избирались изъ числа проверенныхъ лицъ — «казанскихъ татар».

Вместе съ темъ Духовному собранию предписывались следующие функции: испытывать всѣхъ желающихъ быть муллами, вести все бумаги на «российскомъ диалектѣ» съ «татарскимъ переводомъ», разбирать

О назначении муфтия над всеми
обитающими в России магометанского закона людьми

ИМЕННОЙ, ДАННЫЙ СЕНАТУ

22 сентября 1788 г.

Находящемуся в Оренбургской области магометанского закона первому Ахуну Мухамет Джан Гусейну Всемилостивейше повелеваем быть муфтием над всеми обитающими в империи Нашей сего закона людьми, исключая Таврическую область, где от нас определен особый муфтий. Жалованье ему производить по 1 500 рублей на год; а в какой силе дан указ Наш генерал-поручику, правящему должность генерал-губернатора Симбирского и Уфимского, барону Игельстрому на представление его, относительно духовенства магометанского, прилагается при сем копия для сведения и предписания Нашим генерал-губернаторам и правящим ту должность в наместничествах, где обитают люди магометанского закона, дабы они в определении духовных чинов того закона сему предписанию Нашему сообразялися.

и решать дела по духовной части «магометанского закона принадлежащие», обеспечить установленное соотношение количества дворов на одну мечеть, обеспечить контроль над мечетными школами.

Действия властей, безусловно, преследовали цель установления контроля над мусульманским населением. Именно поэтому была столь тщательно регламентирована численность мусульман – 200 душ мужского пола или 100 дворов, приписываемых к одной мечети, устанавливались правила назначения имамов к мечетям.

Вместе с тем Указ о создании Духовного собрания мусульман – шаг, который действительно способствовал ослаблению напряженности в области межрелигиозных отношений. Духовное собрание становится не только центром российского ислама, но и генератором дальнейшего развития государственно-исламских отношений, будущей модернизации ислама, организации социальной жизни мусульман в соответствии с законодательством Российской империи.

Возникает вопрос: почему Уфа была выбрана в качестве резиденции российского муфтия? Управление сразу было создано именно в Уфе, хотя и называлось Оренбургским. Оренбург в то время

ПОЛОЖЕНИЕ
О ДУХОВНОМ МАГОМЕТАНСКОМ СОБРАНИИ,
СОСТАВЛЕННОЕ СИМБИРСКИМ И УФИМСКИМ
НАМЕСТНИКОМ О. А. ИГЕЛЬСТРОМОМ

4 декабря 1789 г.

1-е

В Духовном магометанского закона собрании по высочайшему е. и. в. именному указу в 22 день сентября 1788 года о учреждении его последовавшему, председ[ательству]ет муфтий и заседают 3 муллы из казанских татар, в верности и допропорядочном поведении испытанные.

2-е

В сходстве высочайшего указа Духовное магометанского закона собрание состоит под ведомством и указом Уфимского наместнического правления и потому равняется со средними судебными местами.

3-е

В ведомстве Духовного магометанского закона собрания по силе высочайшего указа состоят все духовные магометанского закона чины, пребывающие в разных губерниях, исключая Таврической области, где особое есть духовное управление; а дабы имело об них сведение, собирает [Духовное собрание] от всех мест чрез посредство Уфимского наместнического правления именные им списки.

4-е

Вследствие высочайшего указа Духовное магометанского закона собрание должно делать испытание в знаниях правил и обрядов магометанского закона вся кому желание имеющему или выбранному и удостаиваемому к поступлению в муллы или ахуны или другое звание духовного чина и от наместнического правления для учинения оному испытаний в сие собрание посланному. А по сделании таковому надлежащего испытания при письменном отнесении, одобряющем или опорочивающем его знания и способности, представить оного обратно в наместническое правление для утверждения и определения в том духовном звании, к которому он предназначался, или отвержения его от оного, когда оказался к тому неспособным и недостаточным.

5-е

Всякий раз, когда таковому, в духовный чин поступить пред назначенному, Духовное магометанского закона собрание приступит чинить испытание, должно оно пригласить в свое собрание двух верхней расправы заседателей и в присутствии их производить испытание.

6-е

Всяк, желание имеющий или избранный и удостоеваемый к поступлению в муллы и ахуны или другое звание духовного чина, иметь должен о поведении своем и подлинно ли он житель того селения или уезда, в котором быть желает, за свидетельством того уезда земского исправника обывательское одобрение.

7-е

Все письменные дела в Духовном магометанского закона собрании имеют производимы быть на российском диалекте, таким же точно порядком, как и в прочих присутственных местах по высочайшим е. и. в. установлениям производится, с тем только различием, чтоб оные всегда были с переводом на татарский диалект, а испытание определяющимся в муллы и ахуны или другое звание духовного чина производимо бы было на татарском диалекте с переводом на российский, исходящие же письма, выпускаемы ис того собрания в присутственные места, вести на одном российском диалекте, а отпуски оным иметь при делах с татарским переводом.

8-е

Дабы отправляемые в Духовном магометанского закона собрании дела производились законами определенным порядком, прокурору верхней расправы иметь наблюдение над производством и течением оных.

только-только становился российским городом, находился на пограничной линии, по другую сторону которой кочевали киргиз-кайсацкие орды. А Уфа – уже город, выросший на месте русской крепости, административный центр Уфимской провинции, входившей в состав огромной по территории Оренбургской губернии. Определенная монаршья логика была и в отношении Казани, покоренной Российской империей, испытавшей на себе насилиственную христианизацию. Здесь была сильна память о былом ханстве, и, конечно, империя не хотела предоставить этому городу возможность возродить свой национальный и религиозный дух.

В ведении Оренбургского магометанского духовного собрания находились мусульмане и мусульманское духовенство Поволжья и Урала. Кроме того, в Указе 1788 г. говорилось о передаче в ведомство его духовных дел во всех губерниях, кроме Таврической области. Юридически это означало, что Кавказскому Наместничеству, состоявшее из Кавказской и Астраханской, а позднее Кубанской

и Терской областей, и Ставропольская губерния в отношении духовных дел мусульман тоже входили в подчинение Оренбургскому магометанскому духовному собранию. Однако оно воздерживалось от управления духовными делами мусульман Северного Кавказа, ссылаясь на то, что духовные дела кочующих народов Ставропольской губернии не были переданы в его ведение.

До Временного Положения об управлении степными областями, утвержденного 21 октября 1868 г., в ведении Оренбургского магометанского духовного собрания находились казахи (киргиз-кайсаки). С 1868 г. заведование духовными делами киргизов было предоставлено местным муллам с подчинением их общему гражданскому управлению и Министерству внутренних дел. Изъятие это, пишет С. Г. Рыбаков в книге «Устройство и нужды Управления духовными делами мусульман России» (Петроград, 1917), допущено в политических целях для ослабления мусульманской пропаганды в степи, воспрепятствования усилению среди киргизов мусульмансства, поэтому брачные и семейные дела киргизов были изъяты из ведения магометанского духовенства и подчинены народному суду. Звание указных мулл в степных областях было отменено. Согласно Степному положению от 25 марта 1891 г. заведование духовными делами было предоставлено муллам, избираемым по одному на каждую волость из среды инородцев по приговорам обществ, утверждаемым губернатором края. В докладной записке действительного тайного советника В. П. Череванского Особому Совещанию по делам веры в 1905 г. говорилось, что нельзя продлевать бесконечно неясное и ненормальное положение вероучительства в столь значительной части населения нашей страны, и предлагалось разрешить открытие Киргиз-кайсацкого окружного управления по делам веры, распространив его полномочия на все группы киргиз-кайсацкого населения империи, за исключением тех, кто числился в областях Туркестанского генерал-губернаторства и Закаспийской области. Окружному управлению этому должны быть подчинены мусульмане всех народностей, проживающие в районе правления, в том числе и татары.

Туркестан был присоединен к России значительно позже Указа от 22 сентября 1788 г. В силу этого мусульмане Туркестанского края также не подчинялись Оренбургскому духовному собранию, причем ни до, ни после принятия Положения об управлении областями Туркестанского края 1867 г., которое не установило никаких правил относительно духовных дел мусульман края. Образованный в 1866 г. Особый Комитет по устройству Туркестанского края предложил организовать особое военно-народное управление, приняв за основу нераздельность военной и гражданской власти и предо-

ставив ближайшее внутреннее управление туземным населением по всем делам, не имеющим политического характера, выборным из среды самого народа, применяясь к его нравам и обычаям. Было учреждено Туркестанское генерал-губернаторство в составе Семиреченской и Сырдарыинской областей, в 1867 г. разработано Положение об управлении Туркестанским краем. Следующее Положение, 1886 г., не внесло никаких изменений в отношении духовного быта мусульман.

Согласно Положению 6 февраля 1896 года администрация сравнительно недавно присоединенной к государству Закаспийской области также не входила в рассмотрение вопросов, касающихся духовной жизни и быта мусульман.

С. Г. Рыбаков в своей книге привел подробную хронику процесса принятия различных положений относительно управления среднеазиатскими народами и в связи с этим расширения или сужения полномочий Оренбургского духовного собрания. Так, В. П. Череванский считал, что «централизация дел по всем отраслям жизни мусульман в правлении одного лишь Оренбургского муфтиата привела бы к тому, что Уфа давала бы тон и вере, и вероучительству, и судебному процессу в брачной, семейной, имущественной и прочих сферах. Едва ли полезно создавать такой мусульманский Рим, в который должны стекаться толпы мусульман из самых отдаленных местностей, испытывая вред своим экономическим и моральным нуждам». Он предложил расчленить Оренбургский муфтият:

- «а) по его территориальности,
- б) по тем народностям, которые имеют свою историю.

Это следует сделать следующим образом:

1. Западные губернии отвлечь от окружного Таврического правительства и включить их в состав нового округа – Петербургского;
2. Северный Кавказ присоединить к Закавказскому окружному правительству;
3. Оренбургский муфтият расчленить на округа: Петербургский, Уфимский и Сибирский.

На основании всего изложенного Действительный тайный советник Череванский находит полезным преобразовать Оренбургский муфтият и установить следующие окружные направления по делам мусульманской веры:

- а) Петербургское (в г. Санкт-Петербурге);
- б) Крымское (в г. Симферополе);
- в) Кавказское (в г. Тифлисе);
- г) Сибирское (в г. Троицке или Петропавловске);
- д) Оренбургское (в г. Оренбурге);

е) Степное (Киргиз-кайсацкое в г. Акмолинске, Атбасаре, Ир-гизе);

ж) Башкирское (в г. Уфе)».

В таком же духе высказалось «Особое Совещание 1910 г. при Министерстве внутренних дел по вопросу о преобразовании Оренбургского магометанского собрания и по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае». Совещание отметило, что Духовное собрание, охватывая своим управлением почти всю Россию, представляет собой искусственно созданный центр мусульманства, способствующий татаризации других инородческих племен, исповедующих ислам и не принадлежащих к татарскому племени. Совещание предложило признать, «что территориальная компетенция Оренбургского духовного собрания по своей обширности и местонахождению (г. Уфа) не соответствует, ввиду чрезмерной централизации духовной власти и сосредоточения ее в руках одной народности (татар), ни государственным интересам, ни интересам отдельных народностей, исповедующих ислам».

В 1914 г. Особое совещание по мусульманским делам при Министерстве внутренних дел признало необходимым:

1) сохранить Таврический и Оренбургский муфтияты в их прежних территориальных районах. В местностях же, не входящих в округа существующих муфтиятов, организовать управление духовными делами мусульман на таких началах, чтобы духовные лица являлись по преимуществу служителями данного культа в ближайшем значении этого слова;

2) сохранить существующий порядок замещения высших мусульманских духовных должностей путем назначения правительством;

3) усилить штаты Оренбургского духовного собрания и Таврического духовного правления;

4) узаконить принятый на практике порядок утверждения духовных лиц в звании ахуна по округу Оренбургского духовного собрания губернской властью;

5) установить в районе Закавказских духовных правлений брачный сбор на расходы по усилению штатов этих правлений;

6) сохранить существующий порядок избрания лиц приходского духовенства;

7) установить, что содержание названных лиц определяется приходскими приговорами;

8) принять меры к устройству внутренней жизни мусульманского прихода;

9) дело метрикации мусульман возложить на соответствующие общественные установления;

10) изъять из ведения мусульманского духовенства наследственные дела с передачей их общим судебным установлениям и др.

Дальнейшую судьбу Духовного собрания мусульман России на долгие 70 лет решила советская власть.

В период деятельности Оренбургского духовного собрания в XVIII–XIX вв. ислам прочно вошел в массовое сознание, быт, образ жизни тюркского населения Российской империи. Кроме того, исследователи отмечают исламизацию чувашей, а также части финно-угорских народов — удмуртов и марийцев. Причинами перехода чувашей и финноугорских язычников в ислам, считают ученые, были территориальная близость мусульманских деревень, экономические связи, а также «мировоззренческий и социальный кризис, который испытывали «язычники» под влиянием все более широко распространявшихся мировых религиозно-философских систем и усложнявшейся общественно-политической жизни в стране». При этом мордовское и подавляющая часть чувашского населения было православным, а большинство марийцев и удмуртов сохранило традиционные языческие представления, не переходя ни в христианство, ни в магометанство (обращенные в православие среди них составляли в начале XX в. соответственно 4,8 % и 7,4 %).

По данным Экономических примечаний к Генеральному межеванию, в XIX в. в Оренбургской губернии было построено 1 258 мечетей, каждая из которых была уже третьей, четвертой или даже пятой в деревне.

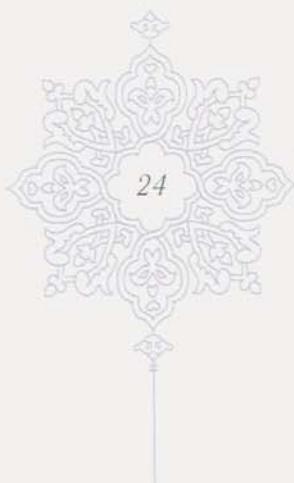
Д. Д. Азаматов

ОРЕНБУРГСКОЕ МАГОМЕТАНСКОЕ ДУХОВНОЕ СОБРАНИЕ В XVIII–XIX ВВ.

МЕЖДУ ВОЛГОЙ И СТЕПЬЮ

Учреждение Духовного собрания в Уфе стало знаковым событием, зафиксировавшим окончательный отказ от конфронтационной политики по отношению к мусульманам и переход к сотрудничеству, официальное признание ислама в качестве терпимой веры. Безусловно, главную роль в формировании нового курса по отношению к мусульманам страны играла Екатерина II, находившаяся под влиянием европейского просвещения и реализовавшая на практике идеи религиозного равенства. Через все документы императрицы проходит мысль о достижимости мира в полиэтничном государстве за счет предоставления определенных свобод, в том числе в религиозной сфере.

Синодский указ от 17 июня 1773 г. о терпимости всех вероисповеданий, признание прав за частью мусульманской татарской знати по указу 1784 г., строительство за счет казны на восточных рубежах каменных мечетей и медресе в 80-х гг. XVIII в. — все эти меры способствовали уменьшению противоречий между государством и мусульманским населением России. Очень четко уловил настроения российских властей первый муфтий Мухамеджан Хусаинов. На открытии Духовного собрания 4 декабря 1789 г. муфтий произнес перед собравшимися мусульманами речь, насыщенную философскими сентенциями и самыми лестными эпитетами в адрес Российской самодержицы. В частности, он сказал: «Торжествует российский сын, что царствует над ним Екатерина... Но кто сей наперстник счастья? Ужели только тот, которого евангельский дух руководствует? Так мыслящий мыслит неправо. Прозорливая мать не взирает на различие веры, а только на преданность сердцем». Далее он привел такие заслуги императрицы перед мусульманами, как «терпимость нашей веры, позволенье свободной оной исповедания, напечатанный священный Алкоран, сооружение мечетей и учреждение магометанских училищ». Он призвал единоверцев хранить верность Екатерине II, быть «всегдашними и ревностными назидателями общего блага и спокойствия».

Сама Уфа была избрана местом расположения Духовного собрания далеко не случайно. Здесь принцип религиозной терпимости был введен, согласно преданиям, после завоевания Казани в 1552 г. Послы царя привезли к башкирам грамоты, гласившие: «...пусть никто не убегает и пусть каждый остается при своей вере, соблюдает свои обычай». В одном из шежере башкир также содержатся сведения об указе царя, где «особо написано о наших землях и религии... дали слово и поклялись башкир, исповедующих ислам, никогда не насиливать в другую религию». Четыре монастыря, действующие в это время в крае, занимались наращиванием земельной собственности и не предпринимали попыток к проведению активной миссионерской политики. 12 ноября 1751 г. последовал сенатский указ об учреждении в Оренбурге «комиссии о иноверцах для разбирательства духовных дел». Комиссии вменялось в обязанность рассматривать и пресекать случаи принуждения к обращению в православие. В конце 1788 г. — начале 1789 г. произошли волнения башкир Троицкого и Челябинского округов, вызванные действиями миссионеров-проповедников, посланных Тобольской епархией. Опасаясь очередного восстания, правительство 7 февраля 1789 г. приняло решение прекратить на время миссионерскую деятельность и отзвать проповедников вообще из всех епархий.

В Башкирии, по сравнению с соседним Поволжьем, религиозные притеснения и христианизация не приобрели характер массовых гонений в отношении мусульман. Здесь не было ограничений в строительстве мечетей, их закрытия или уничтожения. «В построении молитвенных домов никакого препятствия с того самого времени, как народ наш башкирский под высокославную Российскую державу и скипiter покорился, не имели», — писали в 1767 г. депутаты от Уфимской провинции в Уложенную комиссию. В регионе имелись учебные заведения, готовившие сотни имамов. Так, центром по подготовке религиозных кадров стала слобода Каргалы (Сеитовский посад), основанная в 40-х гг. XVIII в. К моменту учреждения Духовного собрания здесь функционировали 4 мечети и медресе. В Каргалах происходила проверка кандидатов на должности ахунов. Например, избранный старшинами и муллами на должность ахуна Исетской провинции Абдулла Муслюмов сдал в 1771 г. экзамены в Сеитовском посаде и только потом получил желанный указ губернатора. Башкиры охотно принимали в свои общества татарских мулл для удовлетворения религиозных потребностей. Например, в 1722 г. башкиры Казанской дороги обратились в Правительствующий сенат с просьбой оставить у себя 3 беглых мулл и 2 абызов «для их законных отправлений и для содержания их мечетей и ради обучения ребят». Большинство дел в Башкирии решалось в ша-

риатских и третейских судах. Нередко при вынесении тех или иных решений судьи, преимущественно ахуны или муллы, руководствовались не только правилами шариата, но и обычного права. Так, за неоднократные кражи виновных привязывали к конскому хвосту и пускали лошадь во весь опор. Таким образом, местные системы правосудия учитывали национальные и религиозные особенности жителей российских окраин. Предпринимая решительные шаги по монополизации права на уголовное преследование за тяжкие преступления, царское правительство оставляло нерусским народам альтернативные процедуры решения семейно-брачных, имущественных и мелких уголовных дел выборными судьями.

Непосредственным поводом к созданию Духовного собрания послужила Русско-турецкая война 1787–1791 гг. Центральные власти всерьез опасались турецкого влияния на восточных рубежах империи и в этой связи деятельности мулл, получивших образование в Средней Азии. В 1788 г. в пограничные губернии были командированы чиновники, призванные пресечь антироссийскую пропаганду и сделать соответствующие предписания местным властям. Один из командированных Д. Б. Мертваго не только выполнил поручение, но и решил представить свои предложения по введению института официального мусульманского духовенства (указных мулл), получающего право на религиозную деятельность исключительно от власти. Ключевой в проекте чиновника являлась мысль, что без указа о получении звания запрещалось занимать должности имамов, а также преподавание в мектебах и медресе. Генерал-губернатор барон О. А. Игельстром, «охотник затевать великие дела», как характеризовал его Д. Б. Мертваго, представил проект 1 мая 1788 г. императрице и предложил образовать в губернском городе «особенную комиссию» во главе с главным ахуном края Мухамеджаном Хусаиновым. В ходе переписки генерал-губернатора с императрицей Екатериной II идея регионального масштаба переросла в проект централизации управления духовными делами мусульман всей страны. За составление проекта об учреждении Духовного собрания Д. Б. Мертваго обещали наградить орденом, но, как отмечал сам чиновник, «представление было сделано слабо», и он его не получил.

О. А. Игельстром уже имел опыт работы с мусульманским населением и духовенством, полученный им в Крыму. Через несколько месяцев после того, как Екатерина II подписала Манифест о принятии острова Тамань, полуострова Крым и всей территории Кубанской «под державу Российскую» (8 апреля 1783 г.), О. А. Игельстром возглавил Крымское земское правительство. По поручению О. А. Игельстрома в Крыму был проведен учет всех мечетей.

Он проводил политику сотрудничества с мусульманскими духовными лицами, сохранил их должности, а также управленческую структуру и принципы руководства мусульманской духовной общиной региона в том виде, какой был до присоединения Крыма к России.

О. А. Игельстром добился установления контроля над Духовным собранием и переаттестации всех мулл, планировал выделять ему всего 680 рублей серебром в год. «Сей малый расход, — писал генерал-губернатор Екатерине II, — неотменно наградится тем, что все здешние народы, магометанский закон исповедующие, познав чрез то, поелику вера в империи вашего величества уважена, будут тем более привязаны и постоянны». Проект О. А. Игельстрома лег в основу указа Екатерины II от 22 сентября 1788 г.

Мухамеджану Хусаинову (1756–1824) выпала честь стать первым муфтием — главой российских мусульман. Специальный указ о его назначении на должность последовал 22 сентября 1788 г. Еще задолго до этого события он попал в поле зрения российских властей. В 70-х гг. XVIII в. Мухамеджан Хусаинов находился в Бухаре и Кабуле, где, кроме обучения в медресе, по заданию Коллегии иностранных дел занимался сбором информации. После возвращения из-за рубежа служил офицером в Оренбурге. Мухамеджан Хусаинов принадлежал к авторитетному среди мусульман роду, его дед, Мансур хазрат, первым из жителей Поволжья поехал в Бухару, являлся автором книги «Таракайбия Мансурия», написанной на персидском языке. Заметный прогресс в служебной карьере Мухамеджана Хусаинова происходит после назначения в 1785 г. в край наместником О. А. Игельстрома. В отличие от сторонников селенской ориентации и насильтвенного укрепления царизма в казахских степях генерал-губернатор прежде всего возлагал надежды на мирную колонизацию. Для воплощения долгосрочных планов ему понадобились люди, умевшие добиваться исполнения поставленных задач дипломатическим путем. Выбор наместника пал на Мендияра Бекчурина и Мухамеджана Хусаинова. Первый из них уже имел опыт общения с именитыми людьми Малого жуза, куда выезжал в 1778 г. для переговоров. Мухамеджан Хусаинов, быстро оценив новые веяния в политике по отношению к казахам, становится верным помощником О. А. Игельстрома. В 1785 г. он получает должность ахуна при Оренбургской пограничной экспедиции с окладом 300 рублей серебром. В июне того же года Мухамеджан Хусаинов совершает свой первый визит в казахскую степь и добивается неплохих результатов. Несмотря на первоначальную негативную реакцию, ахуну удалось установить контакты со старшинами, вручить послание уфимского наместника и обговорить приезд делегации в Оренбург, который состоялся в июле 1785 г. Визиты

в Малый жуз в сентябре того же года и в 1786 г. принесли Мухамеджану Хусаинову славу тонкого дипломата, способного с помощью подкупа, лести и богословской риторики укрепить царское влияние в степи. Заслуги ахуна были оценены администрацией. 12 ноября 1786 г. Екатерина II послала рескрипт О. А. Игельстрому, в котором говорилось, что за успехи в деле учреждения Пограничного суда «в рассуждении засвидетельствованной усердной его службы... находящемуся при вас ахуну Мухамет Джану Гусейну прибавить еще по 200 рублей на год, соизволяя притом, чтобы он именовался в тамошнем kraю первым ахуном».

Правительство проявило заботу о материальном благополучии первого муфтия. Согласно именному императорскому указу от 26 января 1789 г. муфтии и их потомки получали право «покупать свободные земли у башкирцев и заселять их иноверцами, покупаемыми за границей, с тем, чтобы покупка и продажа таких людей распространялась только на иноверцев нехристианского исповедания...». Ему было назначено годовое жалованье в размере 1 500 рублей серебром, в 1793 г. разрешено приобрести башкирские земли.

*О дозволении магометанского закона
муфтию Мухамет-Джану Гусейнову и потомству его
покупать порозжие земли у башкирцев и заселять оные
иноверцами, покупаемыми за границей с тем,
чтобы покупка и продажа таковых людей простирались только
на иноверцев нехристианского исповедания*

ИМЕННОЙ УКАЗ, ДАННЫЙ СЕНАТУ

26 января 1793 г.

Рассмотрев поднесенный Нам от сената доклад, последовавший по прошению магометанского закона муфтия Мухамет-Джана Гусейнова, всемилостивейше позволяем ему покупать порозжие земли у башкирцев на законном основании и заселять оные покупаемые за границей иноверцами, присвоив ему и потомству его право продавать оные, с тем однако предостережением, чтобы покупка и продажа таковых людей простиралась только до иноверцев нехристианского исповедания.

При образовании Духовного собрания правительство Екатерины II преследовало и внешнеполитические задачи. Муфтию Мухамеджану Хусаинову заранее отводилась роль проводника российских интересов в Казахстане и Средней Азии. Сам Мухамеджан Хусаинов вначале воспринимал Духовное собрание как дипломатическое учреждение и в благодарственном письме к императрице от 12 ноября 1789 г. именовал себя «киргиз-кайсацким муфтием». Посылка в степь благонадежных мулл имела цель противостоять антироссийской агитации со стороны духовных лиц, посылавшихся из среднеазиатских ханств, главным образом из Бухары. К тому же в пограничном Малом жузе активно действовали муллы из татар и башкир, враждебно настроенные к России.

Муфтий активизировал деятельность по распространению духовного влияния среди киргиз-кайсаков. Еще в январе 1788 г. по настоянию уфимских властей послал в Орду письма с поучениями, выступая как «духовный наставник киргиз-кайсацкого народа». В частности, Мухамеджан Хусаинов писал, что «без воли моей состоящие между вами муллы и народ относительно Алкорана никаких изъяснений сами собой делать не могли». Муфтий подчеркивал, что мусульмане России и сопредельных земель находятся под защитой российской монархии: «Хотя мы под одним зданием правоверности состоим, — писал он, — однако великое есть различие между мусульманами, находящимися под владениями султана турецкого и всеавгустейшей нашей монархии, поелику каждый монарх собственно своим умом управляет, в рассуждении чего делаемые проповедования одному годны, а другому не нужны бывают». Он считал, что некоторые муллы, побуждающие российских мусульман выступить на стороне Османской Порты, ведут народы к гибели. Муфтий призывал мусульман сохранять спокойствие и подчиняться Российской империи, ибо только она способна обеспечить рост благосостояния всех последователей шариата. Зимой 1789 г. Мухамеджан Хусаинов выехал на два месяца в Уральск, где встречался с казахскими старшинами и духовенством. Визит завершился успешно: старшины и муллы признали над собой духовную власть российского муфтия.

Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС) находилось в общей системе государственных учреждений Российской империи. С 1803 г. его опекал обер-прокурор Святейшего синода князь А. И. Голицын. 25 июля 1810 г. было создано Главное управление духовных дел иностранных исповеданий, в состав которого вошло и Духовное собрание. С 24 октября 1817 г. оно подчинялось Министерству духовных дел и народного просвещения. Здесь делами религиозного учреждения непосредственно занимался 4-й отдел

нехристианских исповеданий. Формальное уравнение православной церкви с прочими исповеданиями было отрицательно встречено православным духовенством. 2 февраля 1832 г. Главное управление духовных дел иностранных исповеданий присоединили к Министерству внутренних дел в виде особого Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИ). Непродолжительное время, с 6 августа 1880 г. по 16 марта 1881 г., Департамент существовал как самостоятельное учреждение, а затем снова вошел в состав МВД.

В отношении центральных органов государственного управления подчиненность Духовного собрания была явной. Контрольные функции ДДДИ заключались в проверке постановлений религиозного учреждения, инспекции же практически не проводились. Департамент по поручению правительства разрабатывал стратегию проведения различных мероприятий среди мусульман. На месте надзора за деятельностью Духовного собрания до 1796 г. осуществляло Уфимское наместническоеправление, а в 1796–1865 гг. – Оренбургское губернскоеправление. Одновременно работу религиозного учреждения контролировали генерал-губернатор и командующий Башкиро-мещерякским войском. С 1865 г., когда произошел раздел Оренбургской губернии на Уфимскую и Оренбургскую, Духовное собрание перешло в ведение Уфимского губернскогоправления. В 1865–1881 гг. религиозное учреждение опекал оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский.

Все законодательные акты, затрагивающие интересы Духовного собрания и мусульман вообще, принимались в Санкт-Петербурге только после согласования с местными властями. Почти всегда инициативы о необходимости этих актов исходили от самих оренбургских (уфимских) губернаторов. Это не было чем-то необычным. В столице прекрасно осознавали то, что администрация края лучше ориентируется в ситуации в Духовном собрании и мусульманской среде. Зачастую мнение местных чиновников по вопросам управления иноверцами и их учреждениями было решающим. Добиваясь полной самостоятельности в решении вопросов, касающихся религии и мусульманского населения, муфтий обратился к Александру I с прошением, в котором обвинил губернские власти «в презрении к себе и некоторым образом вере магометанской». Мухамед-жан Хусаинов просил определить местом пребывания религиозного учреждения другой город, где он мог бы спокойно исполнять свои обязанности, не испытывая притеснения местных властей. Результатом жалобы явилось распоряжение оренбургского военного губернатора Г. С. Волконского об оказании главе российских мусульман всяческого уважения и содействия.

В конце 1804 г. муфтий внес на рассмотрение Сената проект по кардинальной реорганизации структуры управления мусульманской религией в империи. Он предлагал создать в Санкт-Петербурге Центральную коллегию по мусульманским делам и учредить ее филиалы в наиболее густонаселенных мусульманами губерниях. По мнению Мухамеджана Хусаинова, все возбуждаемые по отношению к муфтиям, ахунам, муллам и азанчеям судебные дела должны предварительно рассматриваться в Духовном собрании. Оно же обязано защищать интересы подсудимых в гражданском суде.

Оппонентом проекта муфтия выступил оренбургский гражданский губернатор И. Фризель. Он признал, что губернские власти нередко вмешивались в дела Духовного собрания, но объяснял это несовершенностью законодательства. Губернатор был против использования канонов шариата при разборе спорных дел, категорически возражал против учреждения особой мусульманской коллегии, так как «власть магометанскую над здешним магометанским народом ни по каким убеждениям нельзя усиливать в своем действии». Он расценивал попытки Мухамеджана Хусаинова образовать центральный мусульманский орган, во-первых, как личные амбиции, во-вторых — как стремление избежать контроля со стороны местной администрации.

В Пензенской, Саратовской, Симбирской и Казанской губерниях духовенство в свою очередь выступало за учреждение местных духовных правлений, добиваясь независимости путем децентрализации Духовного собрания. Распространяя подобные идеи, по Саратовской губернии в 1802–1803 гг. разъезжал мулла д. Служилый Ур Царевококшайского уезда Казанской губернии Хабиулла Хусаинов. С агитацией ему помогали мюриды (ученики) имамы Шабан Муслимов и Рафик Сулейманов. Летом 1804 г. Хабиулла Хусаинов отправился в Санкт-Петербург, где старался заручиться поддержкой чиновников различного уровня. Агитация мулл возымела действие. Большинство мусульманского населения Саратовской губернии прониклось идеей создания самостоятельного Духовного собрания. Компромиссный вариант разрешения создавшейся ситуации предложило Саратовское губернскоеправление. Оно представило в высшие инстанции план учреждения Саратовского мусульманского духовного правления, непосредственно подчиненного Оренбургскому. Штат правления должен был состоять из 3 заседателей (мулл), выбранных «лучшими мурзами и татарами», 2 писарей и 1 переводчика. Один из заседателей получал сан муфтия. Предполагалось, что Саратовское мусульманское духовное правление будет финансироваться за счет добровольных пожертвований мулл. Администрация Саратовской губернии рассчитывала контрол-

лировать новообразованный орган, чтобы «обуздить татар от своевольства, дабы не дать повода сему народу к частым переменам духовного начальства по прихотям». Поэтому радикальные имамы Шабан Муслимов и Рафик Сулейманов, ратующие за отделение, были заключены под стражу.

В 1808 г. в Казанской губернии мусульманское духовенство и купечество при поддержке местных властей потребовали создания независимого религиозного учреждения. Оренбургское губернскоеправление, долгое время отрицательно относившееся к нововведению в области государственного управления исламом, в 1822 г. признало необходимым образовать отдельные духовные собрания в каждой губернии, где проживают многочисленные анклавы мусульман. По мнению чиновников губернского правления, главной духовной инстанцией должно было стать Высшее мусульманское собрание в Санкт-Петербурге, где бы заседали наиболее почитаемые ахуны и рассматривались все апелляции на решения местных органов.

Духовному собранию удалось отстоять полномочия, данные ему при учреждении. Сенатский указ от 1 декабря 1826 г. подтвердил компетенцию религиозного учреждения при решении семейно-брачных, имущественных и иных дел.

Во второй половине XIX в. надзор правительства за деятельностью Духовного собрания усилился. Определенные меры в этом отношении предпринимал оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский. В 1866 г. он предложил назначить в состав Духовного собрания правительенного русского чиновника с широкими полномочиями. В 1872 г. уфимский губернатор Ушаков представил в Министерство внутренних дел обстоятельную записку, в которой доказывал необходимость закрытия Оренбургского магометанского духовного собрания. «Самый факт существования духовного сего учреждения упрочивает (у башкир и татар. — Д. А.) сознание их племенного и религиозного единства и живучесть их религиозных заблуждений, обычаев и таким образом сообщает устойчивость воззрениям, духу и бытовым формам магометанского населения в его нравственном и неподвижном, враждебном обращению и общности и народного духа состоянии», — писал губернатор. Его позиция заключалась в том, что ОМДС — чисто административное учреждение, не связанное с канонами ислама, частная инициатива сверху барона О. А. Игельстрома. Он полагал, что закрытие учреждения не приведет к каким-то протестам мусульманского населения, а по позициям исламских служителей культа будет нанесен серьезный удар. Вопрос рассматривался на заседании Комитета министров 12 июня 1875 г. Он признал закрытие Духовного

собрания нецелесообразным. В то же время в его постановлении отмечалась необходимость более строгого контроля над учреждением. Для этой цели было предусмотрено назначение местной администрацией специальных чиновников.

СТРУКТУРА ОМДС. УПРАВЛЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКИМ СООБЩЕСТВОМ В РОССИИ

Мусульманское население было организовано в трехступенчатую структуру: высшая ступень — муфтият — состояла из муфтия и членов шариатского суда (кадиев); средняя — мухтасибат — из мухтасибов, контролировавших приходы в регионах; низшая — мутаваллият — из имама, муэдзина и казначея каждой общины. Муфтии назначались пожизненно правительством (Министерством внутренних дел) и утверждались императрицей (императором). Жалобы на муфтия можно было подавать через губернатора в МВД. Члены духовного собрания и 3 кандидата к ним назначались также МВД по представлению муфтия. Дела в духовном собрании решались большинством голосов, личное решение муфтия не имело судебной силы и не принималось к исполнению. Низшее духовенство — муллы — выбирались большинством (две трети) старейшего мужского населения аулов. Выбор муллы из числа податного населения осуществлялся с обязательным участием старосты села, волостного (юртового) старшины, которые и подписывали приговор. В функции мулл входили следующие вопросы: служба, обряды, осуществление браков и разводов, раздел наследного имущества (в особо спорных случаях дела передавались в гражданские суды). С 1828 г. обязанностью мулл стало ведение метрических книг.

Деятельностью Оренбургского магометанского духовного собрания руководил председатель, который обладал саном муфтия. В составе руководства Духовного собрания были также 3 заседателя в сане кадиев (казыев). Решением Сената от 20 апреля 1789 г. была создана канцелярия муфтията, в которой состояли секретарь и ряд канцелярских и прочих служителей, которые вели делопроизводство, переписку, обеспечивали обслуживание работы Собрания.

Мусульманское приходское духовенство (ахуны, имамы и муэдзины) подчинялось Духовному собранию по вопросам, относящимся к его компетенции.

Мавзолей Хусайн-бека

генде, посланных для лечения ханской дочери] стали считать святыми-аулиями. Они послали своих учеников-табигинов к башкирам. Так ислам распространился среди башкир в долинах Агидели, Ика, Демы, Таныпа. А табигинов, распространявших среди башкир ислам, стали почитать как святых [аулия]».

К племенам Приуралья с миссионерской целью прибывали мусульманские проповедники не только из Булгарии, но и из Бухары, Коканда и даже Багдада. На территории Башкортостана сохранились памятники мусульманской культуры, датированные XIV в. Один из них – кэшэнэ (мавзолей) хаджи Хусайн-бека, которое находится в Чишминском районе на небольшой возвышенности над озером Акзират, где в XIV–XV вв. располагалась летовка башкирских ханов.

Хусайн-бек был последователем учения суфийского шейха Ходжа-Ахмеда Ясави, жившего в XII в. на территории современного Казахстана. Прибыв к башкирам и ногаям, Хусайн-бек обратил в ислам множество язычников. После паломничества в Мекку Хусайн-бек стал первым имамом среди башкир-мусульман, почитавших его святым. Могила Хусайн-бека стала местом поклонения мусульман. На надгробии имеется полуустертая арабская надпись, позволяющая датировать его 1339 г. (739 г. хиджры). На том же кладбище над озером Акзират имеются отдельные известняковые надгробия с рельефными надписями, выполненными арабскими буквами, на большинстве надгробий также высечены тамги (*тамга* – родовой знак).

МУФТИИ

Со времени основания и до 1917 г. во главе Оренбургского магометанского духовного собрания находились следующие муфтии:

Мухамеджан Хусаинов (1788–1824 гг.);
Абдуссалям Абдрахимов (1825–1839 гг.);
Абдулвахит Сулейманов (1840–1862 гг.);
Салимгарей Тевкелев (1865–1885 гг.);
Мухамедъяр Султанов (1886–1915 гг.);
Мухамет-Сафа Баязитов (1915–1917 гг.).

После смерти муфтия впредь до назначения преемника обязанности главы религиозного учреждения полноправно исполнял старший заседатель. Таковых на протяжение XIX в. оказалось трое: в 1840 и 1862 гг. работой Духовного собрания руководил Тажетдин Максютов, в 1863–1865 гг. – Аухадий Искандеров, в 1885–1886 гг. – Мухамедий Салихов.

Правовой статус муфтия как должностного лица и мусульманского иерарха определился в конце XVIII – начале XIX в. В законодательных документах об учреждении Духовного собрания компетенция его председателя особо не оговаривалась. Мухамеджан Хусаинов, исходя из принципа, что он «первый человек в магометанах», требовал себе таких же полномочий и положения в обществе, какие были у православного митрополита.

Первый муфтий Мухамеджан Хусаинов

Муфтий Мухамеджан Хусаинов (годы жизни: 1756–1824, годы муфтийства: 1789–1824). Обучался в Каргалинском (Сеитовский посад) медресе, в 1785 г. стал ахуном при Оренбургской пограничной экспедиции. Один из главных проводников российской дипломатии в Малом жузе. В 1797 г. – член Ханского совета по управлению делами. Будучи муфтием, добился повышения роли духовенства в решении семейно-брачных и имущественных дел мусульман.

Мухамеджан Хусаинов старался обеспечить единство и централизованность власти Духовного Собрания. В 1801 г. Мухамеджан Хусаинов присутствовал на коронации императора Александра I в Москве, что в целом свидетельствовало об авторитете муфтия и укреплении положения Духовного собрания в России. И хотя в 1802 г. Сенат ограничил компетенцию муфтия только правом председательствовать на заседаниях религиозного учреждения, со

временем глава Духовного собрания фактически добился неприкосновенности своей персоны от судебных органов и тем самым существенно повысил статус муфтия. На протяжении своей деятельности муфтию приходилось принимать строгие меры относительно кадровой политики в духовном мире мусульман. Так, в 1803 г. им был отстранен от должности утративший доверие старший ахун Стерлитамакской соборной мечети Салим Рамеев.

Местная администрация принимала активное участие в жизни муфтия, старалась оказать посильную материальную поддержку. В частности, в 1798 г. указом императора муфтию было выделено 4 тыс. рублей серебром на покупку дома в Оренбурге. В 1810 г. Г. С. Волконский освободил дом от воинского постоя. Муфтий сдавал свой оренбургский дом в аренду и имел доход 400 рублей в год. Оренбургский генерал-губернатор П. К. Эссен 2 октября 1822 г. строжайше предписал уфимскому земскому суду «оказать муфтию должную защиту и должное уважение» при рассмотрении земель-

Формуляр муфтия Хусаинова

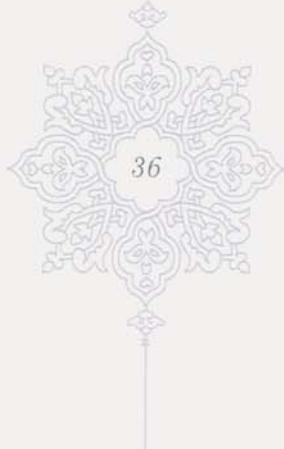

ных дел. Общее состояние муфтия без земель оценивалось в 50 тыс. серебром.

В первом десятилетии муфтий был ключевой фигурой в крае по части выполнения дипломатических поручений. География поездок Мухамеджана Хусаинова значительно расширяется. Он командируется на Кавказ, где принимает от кабардинцев российских пленных, организует у них родовые суды и процедуру принятия присяги на верность российской короне. Учитывая ценный дипломатический опыт налаживания отношений с казахской знатью, центральная власть решила использовать Мухамеджана Хусаинова и в туркменском направлении. В сентябре 1805 г. Министерство иностранных дел решило направить его на восточное побережье Каспийского моря с целью привлечения на сторону России туркменских племен, враждующих с Бабаханом, а также поиска места для строительства российской крепости и сбора информации. В своем послании главноуправляющему на Кавказе товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйский отмечал «усердие и опытность в дела азиатских» муфтия и предполагал, что «новые сведения о туркменском народе и о восточном береге Каспийского моря» способны оправдать эту поездку. В инструкции, данной Мухамеджану Хусаинову, прямо указывалось, что его основной задачей являлось не только убедить туркмен в теснейшем союзе с Россией, но и склонить к военным действиям против Бабахана, рассматривавшегося в качестве серьезного противника России. При этом расчет делался на высокий духовный статус Мухамеджана Хусаинова, позволяющий свободный проезд и общение с единоверцами. Муфтий выполнил поручение и представил докладную записку о туркменах и их взаимоотношениях с Россией, Ираном, Хивой и Бухарой. Ключевыми в донесении были идеи о строительстве Мангышлака на базе крепости Куганы (Курганы), срочном назначении хана, создании тысяченого туркменского гарнизона под командованием русского военноначальника.

По поручению властей Мухамеджан Хусаинов разработал и представил в Санкт-Петербург проект об устройстве Малого жуза и способах возмещения убытков купцам, торгующим с азиатскими странами.

Однако впоследствии, как признавал губернатор Г. С. Волконский, старый испытанный метод взаимоотношений с казахской знатью потерял эффективность и отношения между казахским ханом и муфтием со временем охладели. Выезжать в казахские жузы с официальными визитами стало небезопасно. Большинство казахских старшин перестало воспринимать увершевания религи-

озных служителей и нередко удерживали последних в качестве заложников.

В 1824 г. Мухамеджан Хусаинов участвовал в церемонии назначения Жангира ханом, которая состоялась в г. Уральске. Соответствующий указ зачитал оренбургский генерал-губернатор П. К. Эссен, а муфтий принял присягу. По одной из версий, именно здесь состоялось знакомство дочери Мухамеджана Хусаинова Фатимы с новым ханом. Вскоре Фатима, получившая блестящее образование (она владела пятью языками, в том числе французским и немецким, музиковала), стала женой хана Жангира. В 1826 г. они участвовали в короновании императора Николая I в г. Москве, где блистали на официальных приемах и балах. Фатима оказала значительное влияние на мужа, на развитие просвещения среди казахов.

Муфтий Габдессалям Габдрахимов

Габдессаллям Габдрахимов (годы жизни: 1765–1840, годы муфтийства: 1825–1840). Обучался в медресе с. Каргалы и г. Оренбурга, где хорошо освоил иностранные языки — арабский, фарси и турецкий. Высшее духовное образование получил в медресе первого прихода Казани у Ибрагима Худжаши и Каргалинском медресе. В 1799 г. Габдессалям Габдрахимов был утвержден имамом и учителем мечети в Оренбурге, а в 1805 г. после испытания в Духовном собрании удостоен звания ахуна и мударриса. Работал в правительственные комиссиях по делам казахов, в 1823–1824 гг. был членом комиссии по решению ордынских дел под председательством хана Ширгазы Айчу-вакова. За добросовестную деятельность при казахском хане был награжден золотыми часами. Активизировал строительство мечетей по всей России, в том числе Первой соборной мечети в Уфе, резиденции Духовного собрания. По его инициативе началось обучение мусульман на медицинском факультете Казанского университета. Габдрахимов боролся против проявления в среде мусульман несдержанности, невежества, пьянства.

После кончины Мухамеджана Хусаинова перед правительством возникла проблема выбора преемника. Еще в 1817 г. Александр I утвердил закон об учреждении Министерства духовных дел и народного просвещения, 132-й параграф которого гласил, что муфтии избираются по-прежнему из мусульманского общества и кандидаты

представляются к Высочайшему утверждению». Но в 1824 г. в связи с изменением статуса министерства закон утратил свою силу.

Большую активность в выдвижении кандидатов на должность муфтия проявила группа казанских мулл, чиновников и купцов. В сентябре 1824 г. они предложили на усмотрение Министерства народного просвещения кандидатуру старшего ахуна Большой Казанской мечети Габделсатара Сагитова. В ноябре 1824 г. Александр I повелел избирать муфтия по старому порядку. Одновременно он указал оренбургскому губернатору рассмотреть возможность посылки кандидата на должность муфтия в Бухару для усовершенствования знаний в мусульманском законоведении.

Оренбургский генерал-губернатор П. К. Эссен сообщал, что «он признает способным и достойным Оренбургской мечети ахуна Абдусалыма Абдрахима, как по отличному познанию им восточных языков и правил веры магометанского закона, чрез что приобрел он себе от всех магометан в здешнем kraю обитающих, даже от степных киргиз-кайсаков уваженье, так и по усердию его к правительству». 30 сентября 1825 г. последовал указ Александра I о назначении муфтием Габдессалыма Габдрахимова. 15 февраля 1826 г. он приступил к исполнению своих обязанностей.

Будучи Оренбургским ахуном Габдессалыам Габдрахимов зарекомендовал себя как тонкий дипломат, умеющий найти общий язык с казахскими ханами и султанами. Генерал-губернатору, чья резиденция находилась в Оренбурге, было удобно обращаться по многим текущим делам к Габдессалыму Габдрахимову, который хорошо знал местное население, тесно общался с казахской знатью, даже занимался обучением их детей в медресе.

При муфтии Габдессалыме Габдрахимове работа Духовного Собрания стабилизировалась. Впервые полностью был укомплектован и даже расширен штат. Муфтий вошел в историю как инициатор возведения зданий религиозного назначения в Уфе. По его ходатайству в 1830 г. на деньги царевококшайского купца 2-й гильдии Мукмина Тагирова Хозясейтова была построена 1-я соборная каменная мечеть, а в 1834 г. — вакуфный дом для заседателей и приезжих мусульман. Еще в 1827 г. Габдессалыам Габдрахимов представил на рассмотрение гражданских властей проект строительства отдельного здания для Духовного собрания. По его инициативе в 1834 г. начался сбор 30-копеечного брачного налога с мусульман, который шел в фонд строительства здания.

Муфтий Габдессалыам Габдрахимов принадлежал к той категории служащих, которых можно назвать добросовестными исполнителями, что было отмечено наградами — золотыми медалями, в том числе золотой медалью с 70 бриллиантовыми камнями. Среди поощ-

рений также были два перстня с 14 и 18 камнями и соболья шуба. Кроме того, сыновья муфтия получили тарханские звания.

После кончины муфтия его состояние было оценено на сумму 21 532 рубля ассигнациями, Габдессаляму Габдрахимову принадлежало имение в Мензелинском уезде Оренбургской губернии. Муфтий собрал неплохую библиотеку, в которой были книги на восточных языках, причем некоторые книги состояли из 30 и более томов. Впоследствии библиотека значительно расширилась и в 1840 г. заседатели оценили ее в 4 560 рублей. Муфтий также увлекался астрономией, на чердаке своего дома он оборудовал смотровую площадку и установил подзорную трубу.

Муфтий Габдулвахид Сулейманов

Габдулвахид Сулейманов (годы жизни: 1786–1866, годы муфтийства: 1840–1862). Родился в семье ахуна Курмышского уезда Симбирской губернии. Получил религиозное образование в Каргалинском медресе, владел арабским и фарси. Служил имам-хатыбом в Санкт-Петербургской соборной мечети. Активно привлекался для ведения переговоров с ханами Большого и Среднего казахских жузов. Разработал проекты реформирования мусульманских духовных учреждений. Принимал участие в строительстве и составлении плана внутреннего устройства мечети Караван-сарай, участвовал в торжественной церемонии открытия мечети в 1846 г.

Подбором кандидатуры на должность муфтия после кончины Габдессаляма Габдрахимова занялся Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел (ДДИИ МВД). В утвержденном императором Николаем I уставе Департамента, в частности, было записано, что «кандидаты для занятия места Оренбургского муфтия избираются магометанским обществом и один из них по представлению министра внутренних дел утверждается Высочайшей властью». В феврале 1840 г. МВД приступило к поиску претендентов из числа «почетных благонадежных мулл». Оренбургское губернское правление предпочло не выдвигать кандидатов на высокий пост. Гражданский губернатор докладывал в министерство, что «здешние магометанские духовные (лица. — Д. А.) большей частью или совершенные невежды, или обучались в Бухарии и пропитаны господствующей там ненавистью к русским». Губернатор просил определить муфтия как можно скорее «для предупреждения интриг со стороны казанских и астраханских

татар, которые имели место при определении покойного Габдрахимова». Министерство внутренних дел подобрало претендента, «соответствующего во всех отношениях видам правительства». 10 июня 1840 г. появился указ Николая I о назначении муфтием занимающего ранее должность имам-хатыба Санкт-Петербургской мечети тархана Габдулвахида Сулейманова.

Как и на его предшественников, на муфтия Сулейманова возлагалась миссия «внушения доверия к правительству» со стороны мусульман. В 20-х гг. XIX в., когда правительство учредило Кавказский полуэскадрон и дети горских дворян стали поступать в кадетские корпуса, МВД поручило Габдулвахиду Сулейманову вести среди них воспитательную работу. За успехив этой работе ахун в 1832 г. был удостоен тарханского звания. В 1835 г. Габдулвахид Сулейманов по протекции начальника военно-учебных заведений Великого князя Михаила Павловича занял должность законоучителя мусульманских воспитанников Царскосельского кадетского корпуса. В 1826 г.

Формуляр муфтия Сулейманова

он участвовал в переговорах с султанами Большого и Среднего жузов и, как отмечалось в послужном списке, содействовал присоединению их к России.

При вступлении в должность Габдулвахида Сулейманова представители властей выразили надежду, что «новый муфтий мог бы с успехом содействовать очищению понятий магометан вообще и распространению между ними необходимой грамотности». В то же время оренбургскому гражданскому губернатору показалась подозрительной восторженная реакция уфимских мусульман на выбор правительства. Он считал необходимым внушить Габдулвахиду Сулейманову открыть в Уфе мусульманскую академию с обязательным преподаванием русского языка.

Габдулвахид Сулейманов пытался провести реформирование Духовного собрания, четко определить правовой статус муфтия как главы религиозного учреждения.

В отличие от других муфтиев правительство почти не жаловало Габдулвахида Сулейманова орденами и ценными подарками. Только в 1849 г. Николай I поощрил муфтия 1 500 рублями серебром, да еще его дети получили звание тархана.

В 60-х гг. XIX в. в России начались серьезные реформы в организации управления, суда, образования и т. д. Веяния этих перемен частично затронули и религиозную сферу общества. Кончина Габдулвахида Сулейманова в 1862 г. пришлась как раз на время начала реформ. Перед правительством в очередной раз встал вопрос о назначении главы Духовного собрания. В привычный ход подбора кандидатур «сверху» неожиданно вмешалось само Духовное собрание, обратившееся в Министерство внутренних дел с просьбой объяснить принципы организации выборов муфтия. Министр П. В. Валуев предписал губернаторам Оренбургской, Казанской, Самарской губерний разработать и представить проекты выборов главы религиозного учреждения.

Все проекты были подготовлены в течение 1863 г. Наиболее детально разработанный проект поступил от оренбургского гражданского губернатора Г. С. Аксакова. Он, в частности, предлагал «из каждого 100 духовных лиц образовать участок с правом назначить себе одного депутата, избрание которого представить только духовенству... Место избрания каждою сотнею духовных лиц назначить по указанию Магометанского духовного собрания с утверждением местного начальника губернии». По проекту, 2 673 имама и муэдзина Оренбургской губернии избирали 30 депутатов, 853 духовных лица Казанской губернии — 9 депутатов, Симбирская, Самарская, Пермская, Вятская, Тобольская и Томская губернии давали на съезд по 2 депутата, Пензенская, Тамбовская, Астраханская и Ни-

жегородская губернии — по 1 депутату. Мусульманским общинам Санкт-Петербурга и Москвы, ввиду их столичного статуса, представлялось на общероссийском съезде по 3 депутатских места. Кроме того, в выборе кандидатов на должность муфтия участвовали члены Духовного собрания, потомственные дворяне-мусульмане, купцы 1-й гильдии, потомственные почетные граждане и лица, окончившие высшие и средние учебные заведения.

Г. С. Аксаков полагал, что окончательные выборы трех претендентов на высший мусульманский пост нужно провести в Уфе как в месте сосредоточения большинства населения, исповедующего ислам, и центре мусульманского духовного управления.

В проекте самарского губернатора предусматривалось избрание депутатов на волостных, уездных и губернских съездах. По его мнению, общемусульманский съезд следовало проводить в Уфе и выбирать там двух кандидатов на должность муфтия.

Казанский губернатор, в целом высказав подобные же соображения, тем не менее считал, что именно Казань как город с древними мусульманскими традициями, должен стать местом всероссийского съезда духовенства.

Все вышеперечисленные проекты обобщил и подготовил свой вариант профессор Санкт-Петербургского университета, один из основателей российской ориенталистики А. Қазим-Бек. Он не допускал повторения предыдущих нарушений закона, совершенных при назначении муфтиев. «Если по шариату, — писал А. Қазим-Бек, — в мусульманском государстве правители сами назначают муфтия, то едва ли возможно этим правом пользоваться христианскому правительству без ущерба для значения в глазах магометан духовного авторитета муфтия». Только избранный самими мусульманами глава Духовного собрания «способен возвысить нравственный уровень духовенства, устранив злоупотребления, служить перед правительством достойным представителем магометан и быть в среде магометан достойным органом правительства». А. Қазим-Бек придерживался идеи о необходимости многоступенчатой модели выборов. По его проекту, на общем съезде в Уфе должны были присутствовать депутаты со всех губерний, где проживали мусульмане. Съезд избирал председателя, определял порядок работы и способ голосования, затем избирал 3 кандидатов на должность муфтия. Окончательный выбор муфтия производило МВД.

Сторонникам выборного начала главы Духовного собрания противостояла оппозиция во главе с оренбургским генерал-губернатором А. П. Безаком. Он отверг все варианты избрания главы российских мусульман. В письме к министру внутренних дел Г. А. Валуеву генерал-губернатор утверждал, что «выборами в таком порядке

стали бы руководить интриги и происки, почему избрание могло бы упасть на лиц, никакого не заслуживающих доверия правительства и не служащих представителями интересов всего магометанского сословия».

Что же думали сами мусульмане об избрании своего духовного лидера? Судя по их обращениям в различные государственные органы, мнения разделились. Так, в анонимном обращении в Министерство внутренних дел выражалось недоумение по поводу предполагаемого законоположения, по которому избирать муфтия будут кантонные начальники, старшины, мурзы и почетные граждане. «Мы, мусульмане, если будем оторваны от рода ученых — улемов, — писали анонимные авторы, — то это обстоятельство не послужит чести нашего сословия как перед иностранными государствами, так и перед сельским населением». Они просили Министерство назначить достойного муфтия из среды мусульманского духовенства. В обращении белебеевских и стерлитамакских мулл к генерал-губернатору А. П. Безаку от 27 сентября 1862 г. подчеркивалось, что «не добро, если работники будут выбирать хозяина». По их мнению, правительство само было должно выбирать муфтия из авторитетных духовных лиц. Но в целом большинство мусульманской общественности склонялось к проведению выборов главы высшего иерарха. Обобщая многочисленные петиции, оренбургский помещик Салимгарей Тевкелев в письме к А. П. Безаку подчеркивал, что «мысль о порядке избрания кандидатов нашла глубокое сочувствие в сердцах магометан Оренбургского края и заразила всех искренним желанием скорейшего осуществления правительственных предложений».

Параллельно с дискуссией по избирательной проблеме шло выдвижение кандидатур на почетную должность. Большое желание занять высокий пост проявили сын муфтия старший ахун Уфимской соборной мечети Шарафетдин Сулейманов, ахун соборной мечети г. Стерлитамака Камалетдин Шарафетдинов (Ногаев), гражданский имам Санкт-Петербурга тархан Алим Хантемиров, старший губернский ахун г. Петропавловска Г. Яушев и старший ахун Башкиро-мештрянского войска Х. Алтынгужин.

Муфтий Салимгарей Тевкелев

Салимгарей Тевкелев (годы жизни: 1805–1885, годы муфтийства: 1865–1885). До 1865 г. служил штаб-ротмистром Павлоградского гусарского полка, участвовал в Русско-турецкой войне и подавлении польского национально-освободительного восстания. Был предво-

дителем дворянства, вел большую благотворительную деятельность. Похоронен в ограде каменной мечети г. Уфы.

В конце 1864 г. правительство до законодательного разрешения вопроса о назначении или выборе главы Духовного собрания решило определить на должность временного муфтия. Им стал Салимгарей Тевкелев. После нескольких бесед с ним А. П. Безак отметил следующие достоинства: принадлежность к дворянству, наличие значительных поместий, отставного гвардии ротмистра, которые вполне могли обеспечить его безбедное существование. И хотя он не был из числа мусульманского духовенства, приобрел статус «хаджи», совершив хадж в Мекку. Кроме того, А. П. Безак считал, что только Салимгарей Тевкелев способен преодолеть «вредное влияние мулл».

28 апреля 1865 г. появился указ о назначении Салимгарея Тевкелева муфтием, а 13 июля того же года он приступил к исполнению своих обязанностей. Биография нового муфтия разительно отличается от жизненного пути предшественников на этом посту прежде всего отсутствием религиозного образования. Салимгарей Тевкелев (1805–1885) в 1826–1833 гг. служил в Павлоградском гусарском полку. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и подавлении польского национально-освободительного движения 1830–1835 гг. Военные заслуги штаб-ротмистра были отмечены орденами Св. Анны II, III и IV степени, польским орденом и медалями. После увольнения из армии Салимгарей Тевкелев занимался в основном помещичьим хозяйством. У него было свыше 3 тыс. десятин земли. В 1848–1851 гг. он выполнял обязанности Бугульминского уездного предводителя дворянства, а в 1852 г. совершил хадж. С этого времени Салимгарей Тевкелев начинает делать по-жертвования мечетям и медресе. Так, известно, что на его деньги жители д. Уракбаш Оренбургского уезда в 1862–1870 гг. построили новое здание мечети».

Как уже отмечалось, первоначально Салимгарей Тевкелев поддерживал взгляды об избрании муфтия мусульманским обществом. Но чрезвычайная активность казанских татар привела его к мысли, что узкая группа купечества и мусульманского духовенства стремится навязать свое мнение всем российским последователям ислама. Видимо, осознавая свои неплохие шансы на назначение муфтием, Салимгарей Тевкелев стал выступать против выборов главы Духовного собрания. В то же время он ратовал за проведение периодических мусульманских совещаний в Уфе, где бы духовенство могло решать насущные вопросы религиозной жизни.

Салимгарей Тевкелев, уже находясь в должности, попытался заняться исламским самообразованием. Еще ранее, в августе 1866 г., Салимгарей Тевкелев внес предложение о введении в штатное расписание должности помощника муфтия, который бы автоматически замещал главу Духовного собрания в случае его отставки, увольнения или смерти. Помощник должен был избираться Духовным собранием при участии местной администрации и затем утверждаться МВД.

Заблаговременное избрание муфтия, по мнению Салимгарея Тевкелева, способствовало бы сохранению преемственности курса Духовного собрания и давало бы возможность избежать ситуации подобно той, которая была в 1862–1865 гг.

Личность Салимгарея Тевкелева достаточно многогранна. За время нахождения на посту муфтия он разработал при помощи своих сотрудников множество проектов по реформированию Духовного собрания. Наиболее существенным из них был законопроект «О правах магометан по вероисповеданию», представленный в Министерство внутренних дел в 1867 г. В нем приводились необходимые нормы, регулирующие деятельность приходского духовенства и Духовного собрания. Салимгарей Тевкелев обобщил и переработал действующие многие законы, касающиеся мусульман. Некоторые предложения муфтия были претворены в жизнь только после его смерти.

Личное хозяйство муфтия за время службы не претерпело существенных изменений. В 80-х гг. огромные лесные массивы семейства Тевкелевых подверглись вырубкам со стороны башкирских, русских и татарских крестьян. Более того, в Белебеевском уезде летом 1883 г. башкиры захватили часть земли, принадлежащей муфтию. Только с помощью войск и полиции удалось остановить развернувшееся аграрное движение, охватившее весь край. Поскольку у Салимгарея Тевкелева не было наследников по прямой линии, он раздал свое состояние родственникам и завещал суммы на постройку мечетей и мектебов. При этом 2 тыс. десятин земли передавались как вакуф (добровольное пожертвование) основанным в Уфе мусульманскому приюту и богадельне. Торжественное открытие приюта и богадельни состоялось 5 октября 1878 г. На церемонии присутствовали губернское начальство, родственники Тевкелевых, съехавшиеся со всех концов края, знатные мусульмане. Как писал известный уфимский чиновник и краевед Н. Гурвич, «возникновение сказанных первых благотворительных учреждений, первых еще в своем роде в нашем kraе, нельзя не признать отрадным и знаменательным явлением». В момент открытия учреждений в них со-

держалось 5 стариков и 7 мальчиков. Потом приют и богочеловеческая школа перешли в ведение Уфимского попечительного о бедных комитета.

Салимгарей Тевкелев последние годы жизни тяжело болел. Он скончался 2 января 1885 г. По разрешению министра внутренних дел муфтий был похоронен в ограде каменной мечети г. Уфы.

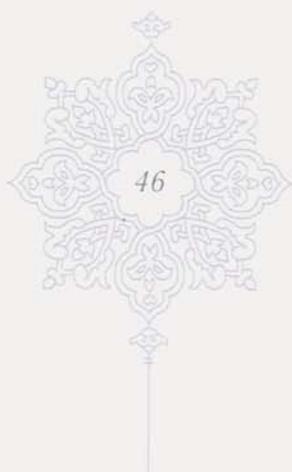
Среди современников личность Салимгарея Тевкелева вызывала неоднозначную оценку. Власти не ожидали от него законодательных инициатив, направленных на повышение роли Духовного собрания и подведомственного духовенства в жизни мусульманского общества. Такая позиция муфтия дала повод генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому назвать его «религиозным фанатиком». Свое сомнительное отношение к назначению Салимгарея Тевкелева главой Духовного собрания выразили известный миссионер Н. И. Ильминский, а также Шигабутдин Марджани.

Между тем за усердную работу в должности муфтия Салимгарей Тевкелев получил немало наград, среди которых ордена Станислава I степени, Анны I степени, Владимира I степени. При нем вошло в традицию общественное празднование получения царских наград. Так, 4 февраля 1877 г. в Уфе после вручения Салимгарею Тевкелеву ордена Станислава I степени прошло торжественное богослужение, где муфтий продемонстрировал перед «изумленными», как отмечалось в газетном репортаже об этом событии, прихожанами все свои награды, а вечером в доме награжденного в присутствии 75 гостей из разных губерний, в том числе 16 хаджи, состоялся праздничный обед. Выступая в мечети, Салимгарей Тевкелев заявил, что очередной наградой «обязан всему мусульманству империи».

Муфтий Мухамедъяр Султанов

Мухамедъяр Султанов (годы жизни: 1837–1915, годы муфтийства: 1885–1915). Получил образование в Казанском университете, в 1857–1859 гг. служил в Башкиро-мещерякском войске, в 1861–1866 гг. — начальник 20-го и 7-го Мензелинского кантона, в 1866–1885 гг. выполнял обязанности мирового посредника, мирового судьи Мензелинского и Белебеевского уездов. Являлся директором и членом ряда губернских попечительских комитетов. В 1893 г. совершил хадж, был принят халифом и османским султаном Абдул-Хамидом II, прошел курс занятий по ақиде (Исламской догматике) в Бейруте. Умер в 1915 г. Похоронен на территории первой соборной мечети в Уфе.

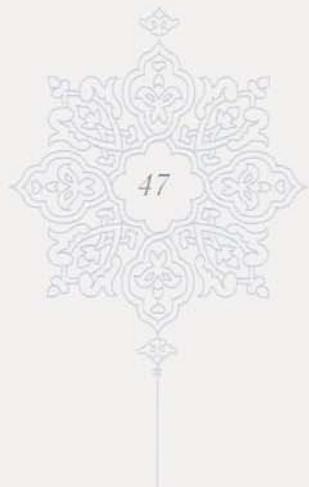
После кончины Салимгарея Тевкелева вопрос о выборе главы религиозного учреждения практически не обсуждался. Министр внутренних дел граф Д. Толстой в своем докладе Александру III заметил, что «замещение этой должности представляется затруднительным ввиду недостатка кандидатов, которые при отсутствии мусульманского фанатизма обладали бы достаточным общим образованием, основательным знанием русского языка, деловыми способностями и были вместе с тем преданными и верными исполнителями предначертаний правительства». По причине образованности, хороших знаний, умения держать себя с достоинством, а также возможного влияния извне министр отверг кандидатуры князя Чингиза и действительного статского советника Ибрагимова.

В результате предварительного отбора на рассмотрение Министерства внутренних дел были представлены кандидатуры Мирсалиха Бекчурина и Мухамедьяра Султанова. Известный башкирский просветитель Мирсалих Бекчурин в 1841–1878 гг. преподавал восточные языки в Оренбургском Неплюевском военном училище (с 1844 г. – кадетский корпус), а в 1878–1880 гг. состоял в должности чиновника особых поручений при генерал-губернаторе. Главным препятствием для занятия заветной должности явились его прогрессивные взгляды и тесные контакты с передовыми мусульманскими деятелями Казани. Да и солидный возраст претендента говорил не в его пользу.

Наиболее приемлемой для центральных и местных властей стала кандидатура Мухамедьяра Султанова. По указу императора Александра III 2 января 1886 г. его назначили главой Оренбургского магометанского духовного собрания. 3 марта 1886 г. новый муфтий приступил к исполнению своих обязанностей.

К моменту избрания Мухамедьяр Султанов (1837–1915) обладал солидным служебным списком. Год обучался в Казанском университете, в 1857–1869 гг. служил в чертежной командующего Башкиро-мештерякским войском, в 1861–1866 гг. был начальником 20-го и 7-го Мензелинского кантонов, в 1866–1875 гг. выполнял обязанности мирового посредника, мирового судьи Мензелинского и Белебеевского уездов.

В избрании Мухамедьяра Султанова муфтием большую роль сыграл Н. И. Ильминский. Он выражал удовлетворение тем, что Мухамедьяр Султанов был далек от новых идей национального развития и не поддерживал отношения с передовыми мусульманами Казани. В письме к К. Н. Победоносцеву от 21 апреля 1885 г. Н. И. Ильминский отмечал, что ни в коем случае нельзя возвеличивать нового муфтия, награждать его. «Пусть он знает свое относительное положение перед архиереем, – писал миссионер, – но

пусть он сам знает, а не доводит до крайности такой, чтобы правительство вынуждено будет напоминать забывшемуся иноверному представителю его пределы и права».

В годы пребывания в должности главы Духовного собрания Мухамедьяр Султанов продолжал работать в должности директора Уфимского попечительского комитета о тюрьмах, состоял почетным членом нескольких общественных и государственных организаций. За активное участие в реализации различных общественных и государственных проектов муфтий был награжден орденом Станислава I степени (1888 г.), орденом Анны I степени (1896 г.), серебряной медалью на Андреевской ленте (1898 г.).

Солидарность муфтия с политикой, проводимой властями, вызывала различную реакцию среди мусульманского населения. Кроме одобрения, бывали случаи непонимания и сомнения в правильности этой духовной политики муфтия, выраженные в анонимных письмах неизвестных авторов.

Между тем такой авторитетный современник муфтия, как Ризатдин Фахретдин, высоко оценивал его деятельность. К числу заслуг Мухамедьяра Султанова он относил наведение в Духовном собрании внутреннего порядка, пополнение библиотеки, обустройство архива, доброжелательность и внимательное отношение к рядовому духовенству, к ученым и поэтам. После встреч с муфтием А. М. Федоров, автор первого романа о башкирах «Степь сказалась», дал, по нашему мнению, довольно точную характеристику Мухамедьяру Султанову. Он рисовал муфтия как человека, осознающего отсталое состояние своего народа, стремящегося поднять его понятия о нравственности, однако в то же время понимающего тщетность своих единоличных усилий. Сам Мухамедьяр Султанов в рецензии на книгу П. И. Добротворского «В глухи Башкирии» высоко отозвался об авторе, «болеющем за интересы его многими позабытых, экономически обездоленных сородичей».

Правительство стремилось повысить международный авторитет муфтия. С этой целью оно удовлетворило просьбу Мухамедьяра Султанова о совершении паломничества к святым местам — в Мекку, Медину и Иерусалим. Все предыдущие заграничные вояжи глав Духовного собрания проходили как частные. На этот раз правительство взяло визит муфтия под свой контроль. МИД и МВД следили за тем, чтобы Мухамедьяр Султанов не испытывал никаких затруднений. Российским консульским учреждениям предписывалось обеспечить муфтию «необходимую охрану и содействие». По предварительному плану, его поездка должна была продлиться 4 месяца и пройти по маршруту Стамбул — Джидда — Мекка — Медина — Каир и обратно.

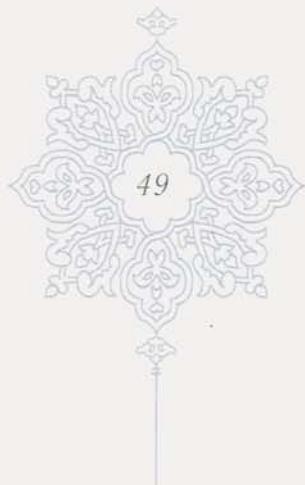

Во второй половине февраля 1893 г. Мухамедъяр Султанов в сопровождении 5 человек выехал из Уфы, а 9 марта прибыл в Стамбул. 19 марта российское посольство с целью демонстрации лояльного отношения своей страны к исламу устроило аудиенцию муфтия у турецкого султана. Мухамедъяр Султанов писал директору Департамента духовных дел иностранных исповеданий М. К. Кантакузину-Сперанскому, что это явилось для него полной неожиданностью. В ходе встречи, которая продолжалась всего 10 минут, султан спрашивал муфтия о положении ислама в России. В конце он поинтересовался с разрешения ли российского императора совершает Мухамедъяр Султанов данное путешествие. Получив утвердительный ответ, султан удалился и, отсутствовав несколько минут, вышел и объявил о награждении муфтия орденом Османия 2-й степени. Поскольку отношения между Турцией и Россией в то время были достаточно напряженными, глава Духовного собрания обратился к царским властям с просьбой разрешить ношение турецкого ордена, 15 марта 1894 г. последовал соответствующий указ Николая II. Во время пребывания на Аравийском полуострове Мухамедъяр Султанов заболел лихорадкой, в связи с чем ему пришлось выдержать там 75-дневный карантин. Возможно, по этой причине впоследствии муфтий неоднократно обращался к мусульманам, совершающим хадж, тщательно следить за своим здоровьем.

ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, СТРУКТУРА И ФИНАНСОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУХОВНОГО СОБРАНИЯ

ОМДС отличалось от многих государственных учреждений Российской империи системой выборов заседателей (кадиев или казыев). Как уже говорилось ранее, в указе Екатерины II имелось требование выбирать заседателей только из казанских татар. В первоначальных предложениях губернатора О. А. Игельстрома этот пункт отсутствовал и был, вероятно, внесен во время доработки указа в канцелярии императрицы.

Во второй половине XIX в. различные правительственные структуры, занимающиеся составлением программы преобразования Духовного собрания, пытались объяснить жесткое ограничение выбора заседателей пределами одной губернии. Департамент духовных дел иностранных исповеданий при обсуждении данного вопроса в 1880 г. пришел к выводу, что в указе под термином «казанские

татары» имелись в виду татары всей России, кроме Крыма, где имелось особое мусульманское правление. Следовательно, выборы заседателей необходимо проводить не только в Казанской губернии.

Казанское губернскоеправление полагало, что привелигированное положение губернии в формировании высших должностных кадров религиозного учреждения связано с большой территорией административной единицы в конце XVIII в. Муфтий Салимгарей Тевкелев объяснял это тем, что «в начале XIX в. в Казанской губернии магометанское духовенство было сравнительно ученее и грамотнее духовенства других губерний».

Большинство исследователей по истории ислама в России сходятся во мнении, что при определении выбора заседателей из Казанской губернии государство учло прежде всего лояльность местного мусульманского духовенства к власти. Первые заседатели Духовного собрания Фахретдин Абдрашитов, Сейфулла Муртазин, Фейзулла Адилев были избраны представителями мусульманского духовенства Казанской губернии и прибыли в Уфу в декабре 1789 г. Сроки их пребывания в должности законом не устанавливались, поэтому в мае 1793 г. заседатели обратились в Правительствующий Сенат с прошением о сложении полномочий в связи с большими материальными убытками. Сенат определил, что Духовное собрание относится к средним присутственным учреждениям, где срок службы установлен 3 года, поэтому препятствий к увольнению заседателей нет.

Выборы заседателей ОМДС в первой половине XIX в. проходили по следующей схеме. В каждом уезде Казанской губернии, где проживало мусульманское население, на собрании духовных лиц выбирали двух мулл делегатами для участия в общегубернском съезде в Казани, где путем тайного голосования избиралось трое заседателей и трое кандидатов. Последние в случае болезни или смерти заседателей вызывались в Уфу и приступали к выполнению своих обязанностей. Получивший большинство голосов заседатель объявлялся старшим; он получал право замещать главу Духовного собрания во время его отсутствия, болезни или впредь до назначения нового муфтия. Съезд происходил обычно в Казанской татарской ратуше под председательством влиятельного татарского купца. Кроме него, в качестве почетного председателя присутствовал кто-либо из казанских ахунов. На протяжении первой половины XIX столетия эту функцию исполняли мухтасибы Хозяшевы, чьи действия в духовной должности неоднократно подвергались сильной критике со стороны низшего духовенства. Созыв уездных собраний мулл обеспечивали уездные полицейскиеправления.